

УДК: 504.75 : 504.03

Русское жизнечувствие как социогеографический феномен

Микляева Н. В.

Аннотация:

Статья обобщает результаты междисциплинарного исследования в области социальной экологии. Автор описывает жизнь как явление, которое объединяет биосферу и ноосферу через жизнечувствие. Жизнечувствие показывает, как человечество может осуществлять переход от гетеротрофности к автотрофности.

Ключевые слова: *жизнь как феномен, автотрофный, гетеротрофный, ноосфера, синтез личной и общественной истории, феномен русского жизнечувствия.*

Russian zhiznechuvstvie as sotsiogeografichesky phenomenon

N. V. Miklyaeva

The article summarizes the results of interdisciplinary research in the field of social ecology. The author describes life as a phenomenon that unites the biosphere and the noosphere through zhiznechuvstvie (attitude). Zhiznechuvstvie shows how humanity can make the transition from the heterotrophic community in the autotrophic community.

Keywords: *life as a phenomenon, autotrophic, heterotrophic, the noosphere, the synthesis of personal and social history, the phenomenon of Russian zhiznechuvstviya (Russian attitude).*

Наше исследование посвящено проблеме жизнечувствия. Этот термин является неоднозначным. Жизнь, как считал выдающийся ученый и мыслитель В. И. Вернадский, — это явление уникальное. «Ею в действительности определяется не только картина окружающей нас природы, созда-

ваемая красками, формами, сообществами растительных и животных организмов, трудом и творчеством культурного человечества, — но ее влияние идет глубже» [10]. И важную роль в этом ученый отводил самоорганизации и саморазвитию, благодаря которому биосфера становится ноосферой, а каждый отдельный человек, несмотря на свою гетеротрофность, становится частью автотрофного человечества. Эта мысль — о возможности трансформации гетеротрофности в автотрофность [3] — стала основой для разработки гипотезы нашего исследования о возможности интерпретации жизненчувствия, как геосоциального феномена, отражающего специфику существования ноосферы в контексте исторического развития культур и цивилизаций. В данном случае мы взяли в качестве примера одну из культур, обладающих статусом цивилизаций, — русскую культуру. Нам было интересно рассмотреть ее как культурно-исторический тип (по А. Д. Тойнби, Н. Я. Данилевскому), накладывающий отпечаток на ощущение каждого человека, его восприятие себя и своего места в ней, как части ноосферы, то есть вне времени и пространства, и влияющий на представление о своем жизненном пути и судьбе в контексте судьбы России. В качестве методов исследования выступили исторический и проблемный SWOT-анализ теоретических и интернет-источников, посвященных проблеме формирования национальной идеи и исследования феномена «русской души» и «русской картины мира», сопоставительный анализ литературных произведений в контексте топографических исследований, метод литературных аналогий, фоносемантический и психолингвистический анализ. Представим основные результаты исследования в виде концепции.

Известно, что в процессе расселения человечества по планете произошло обособление его частей, продолживших эволюцию в различных природно-климатических условиях. Длительная адаптация к этим условиям привела к выраженным особенностям взаимодействия со средой, в том числе в области социализации подрастающего поколения. Русь и наследие ее — Россия — в этом отношении представляет собой уникальный феномен. Девять часовых поясов. Семнадцать миллионов квадратных километ-

ров. Четыре климатические зоны. Это не просто огромная страна с многонациональной культурой и своими способами передачи этнокультурного наследия. Это целая галактика, включающая множество миров. При этом необязательно, чтобы их составные части были «русскими» с фиксацией территории на географической карте или графы в паспорте.

Русские как слово, понятие — категория «прилагательная», а не «существительная», хотя наша страна занимает первые места в мире по протяженности территории и разнообразию климатических зон, запасам лесных и водных ресурсов и природных ископаемых. Но мы почему-то не привыкли гордиться этим, напротив, горько осознавать, что такая богатая страна используется только как геологический ресурс. Ведь наши характер и жизненечувствие связаны не просто с ощущением огромного пространства, которое охватывает равнины, реки и озера, леса и горы, но и пространства, которое воспринимается нами как родное, близкое по духу.

О Русь — малиновое поле // И синь, упавшая в реку, — // Люблю до радости и боли // Твою озерную тоску...

Сергей Есенин

Мы «прилагаемся» к истории и судьбе России, если находимся в ее социокультурном пространстве. Поэтому мы — не просто дети, а часть ее бытия, ее жизненного цикла, истории.

Тихая моя родина!.. // С каждой избою и тучею, // С громом, готовым упасть, // Чувствую самую жгучую, // Самую смертную связь.

Николай Рубцов

Признание своей «прилагательности» для русских людей означает не просто «смирение», которое наши современники воспринимают как христианскую «добродетель» покорности и самоуничижения, обесценивания своего «Я». Напомним, что его аналог — «Азь» в церковно-славянском алфавите — первая, а не последняя буква, в отличие от современного русского языка. Первая, потому что с нее начинается мир — сначала как мир души, примирение с Богом. Если взглядеться в него через призму цер-

ковнославянских текстов и древних славянских родственных корней «мир» и «мера» (равновесие), то можно заместить, что слово «смирение», несет в себе иное значение, нежели только «уничжительная покорность».

У судьбы не проси. Чашу выпей до дна. // Нет на свете россия — есть Россия. Одна. // Где тропинка во ржи. Где стерня под ногой. // Где дана тебе жизнь и не будет другой.

Игорь Михеев

«Смириться» — означает примириться с Богом, с ближним, а, следовательно, обрести равновесие, опору в жизни. В этом отношении показательна этимология слова «мир» — как мир Божий: Царство Небесное, включая Небесные силы, и царство земное в их единстве. И как *mir* — «житейское море», забывающее о Боге в поисках жизненных наслаждений, создающее себе идолов вместо Бога. Между этими мирами для русских всегда стоял выбор: быть с Богом или без Него. Середины для себя мы не определяли, как это могли делать другие народы. Поэтому для русских так важно было сформировать способы сохранения мира душевного и смирения перед своим Господом как области, от которой зависит их бытие и движение истории — судьба России.

В связи с этим в мирное время на первый план выступала погруженность людей в годовой цикл Евангельских событий, которые «переживались в русском жизненочувствии как бытисозидающие события» [1]. Люди ощущали свою причастность к греху вместе с Апостолом Петром, переживали Распятие Христа и воскресали вместе с ним.

В каждом древе распятый Господь, // В каждом колосе тело Христово, // И молитвы пречистое слово // Исцеляет болящую плоть.

Анна Ахматова

Об этом замечательно пишет в своих произведениях Иван Шмелев, в своем дневнике — праведный Иоанн Кронштадский. Эта особенность русских — быть одновременно сразу в нескольких временных пространствах, способность существовать в параллельном мире тоже составляет

характерную особенность нации. На это указывает даже особый род топонимов — агиотопоним. Такие топонимы давались по названию церкви, собора, монастыря в той или иной местности.

В потемневших лучах горизонта // Я смотрел на окрестности те, // Где узрела душа Ферапонта //Что-то Божье в земной красоте... Неподвижно стояли деревья, // И ромашки белели во мгле, // И казалась мне эта деревня // Чем-то самым святым на земле...

Николай Рубцов

Такие места, в свою очередь, назывались в честь памяти Святого или Праздника, изображающего событие из земной жизни Господа или Пресвятой Богородицы. Например, на географической карте Велико-Русской равнины встречаются следующие названия:

- Рождество Христово (7 ян.) — Рождественское; Крещение (Богоявление) (19 ян.) — Богоявленское; Сретение (15 фев.): — Сретенка; Преображение (19 ав.) — Преображенск; Пасха (переходящий праздник) — Воскресенск, Воскресенское; Вознесение (переходящий праздник) — Вознесенское; Пятидесятница (переходящий праздник) — Троицк, Троицкое и др.;
- Рождество Богородицы (21 сен.) — Богород(и)цкое; Введение во храм Богородицы (4 дек.) — Введенское; Благовещение (7 апр.) — Благовещенск; Успение (28 авг.) — Успенское; праздник Покрова (14 окт.) — Покров, Покровское;
- в честь святых: Архангельское, Михайловское, Сергиев Посад, Никольское, Ильинское и др. Конечно, дело здесь не в пылком воображении и мечтательности, которым наделены представители русского народа. Скорее, это умение воспринимать, чувствовать историческое время как... пространство личного бытия.

Схимник-ветер шагом осторожным // Мнет листву по выступам дорожным // И целует на рябиновом кусту // Язвы красные незримо Христу.
Сергей Есенин

Так же мы склонны воспринимать не только события Евангелия, но и исторические события, связанные с прошлым, настоящим и будущим России. Поэтому недаром не только фольклор, но и народный календарь с годовым циклом народных праздников и с памятными датами истории с рождения входят в жизнь ребенка и опосредуют многие события его жизни, преломляя их в традициях русского жизнечувствия. Поэтому многими исследователями (М. Ю. Новицкой [7] и др.) они признаются важнейшими средствами приобщения детей к истокам русской народной культуры и системе связанных с ней ценностей.

Для взрослого такой синтез личной и общественной истории — отдельный феномен жизнечувствия. Мы спорим о своем прошлом и с прошлым России так, как будто оно — живое, как будто можем одновременно общаться с его персонажами и героями. Мы можем равно, как вставать на сторону фельдмаршала Кутузова, обсуждая взятие Москвы французами, так и осуждать действия маршала Ворошилова, пытающегося при защите Ленинграда противостоять хорошо вооруженным немецким войскам с помощью конницы. И самое важное здесь будет даже не в восстановлении исторической правды или вынесении оценки о правильности или неправильности действий людей, определяющих судьбу России. Важнее для русских людей будет момент их прикосновения к своей истории и... соучастия в ней — на уровне перекреста личного и общественного бытия. Подобные мысли изложил в своих записках в августе 1892 года Владимир Иванович Вернадский. «В типичном подобном положении находится Россия, перед нами как раз теперь стоят все эти вопросы, перед каждым из нас лежит обязанность уметь дать ответ в тех трудных обстоятельствах, какие ставятся нам жизнью... Является поэтому обязанностью и делом простых русских граждан пытаться публично разбираться самостоятельно самим в сложных явлениях жизни, растолковывать их, обсуждать сообща, пропагандировать их среди русского общества» [5]. К таким сближающим лю-

дей идеям, которые определяют специфику «русской жизни» и жизнечувствия, ученый относил «идеал свободы», обладающий для русских «качествами красоты, гармонии и силы».

Этот идеал, как считал ученый, является для русских, в отличие от Запада, идеалом мечты, а не обладания. Мы бы добавили: условием социального и морального выбора своего дальнейшего жизненного пути и судьбы Родины, ответственности за этот выбор. Иногда — в поворотные моменты жизни — это впечатление усиливается «накладыванием» прошлого и будущего на настоящее в судьбе одного человека. Например, некоторые моменты жизни — свадьба и рождение ребенка — в традиционной культуре сопровождаются такими обрядовыми куклами-перевертышами, как «Девка-Баба» или «Мальчик-Дед». Действия с такой куклой представляют историю жизни человека на примере женской или мужской судьбы. Так, кукла, изображающая озорную девчонку с косичками, превращается в невесту-ангела, молящую Бога о своем суженом, а при перевороте «вверх ногами» «пропадает» под нижней юбкой другой половины куклы, и становится женщиной — бабой с привязанными к младенцу руками-крыльями. Такие куклы являются, скорее, знаками-символами, чем игрушками. Символами, которые свидетельствуют: «Время изменений — сейчас! Учись принимать их со светлой надеждой на будущее, но мудро и спокойно». Приобщаясь к такому жизнечувствию, мы ощущаем себя частью общей истории, в которой все проходят свой жизненный путь, становясь частью общего замысла Творца о России.

Уходят люди. Каждому черед. // Вся наша жизнь в простом вопросе этом: // Кого Господь к ответу позовет, // Кого утешит Сам Своим ответом... // Так наша жизнь течет к Его рукам, // Благословенная Его рукою.
Архиепископ Иоанн Шаховской

В качестве одного из признаков такого Божественного замысла о нас является старославянский и древнерусский, церковнославянский язык. Так, промыслительно для нас, и удивительно — для других то, что в наименованиях букв азбуки только небольшая часть — это существительные («До-

бро», «Люди», «Цы» — царство Божие), другие же — глаголы («Рцы», «Мыслете», «Глаголи», «Веди» и др.), местоимения («Аз» — я, «Онъ», «Нашъ»), наречия («Твердо», «Зело» и др.), союзы, — т. е. части речи, связанные между собой [9]. Создаётся впечатление, что это — части послания, переданного Богом через святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Содержание данного «послания» большей частью утрачено вследствие реформ русского языка, однако сохранилось до сих пор в церковнославянском языке. Это дает основание некоторым исследователям сказать, что церковнославянский язык — это язык общения русского народа с Богом, а некоторым — утверждать: «„Беда“ русского человека в том, что он лично знаком с Богом» [8]. Беда, однако, в другом.

В неумении определить свое место в этих взаимоотношениях. Из «прилагательных» нам — жителям современной России — очень хочется стать «существительными». Это, хотя и в негативном аспекте, тонко чувствуют другие народы. Обратимся к СМИ: «Эстонские ученые установили: русского духа не существует. Об этом свидетельствует исследование Тартуского университета, результаты которого были сообщены на проходившей в Тарту 14-й Европейской конференции психологии личности. Ученые выяснили, что стереотип особого русского человека — такой же миф, как и „русский дух“ и „особенная статья“ России. В ходе исследования, в котором принимали участие сорок российских вузов, были получены данные об одиннадцати тысячах человек — от Камчатки до Карелии». Что можно сказать по этому поводу? Ранее на похожий вопрос — о существовании Бога — чудесно ответил знаменитый врач-хирург, святитель Лука — Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Он сказал, что делал операции на мозге, но ума так и не обнаружил.

Как это ни прискорбно, но мы сами иногда не обнаруживаем духа в себе. Не говоря уже о том, что такой дух должен ощущаться нами и идентифицироваться как русский дух. Забываем, какого мы духа, и к какому — прилагаемся. Это меняет наше отношение к определению своего места и цели бытия в мире. В философии и религии такое отношение традиционно рассматривается через решение вопроса о Высшем Благе, в зависи-

мости от которого определяется относительная ценность всех других благ. Так, в разговоре преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым Высшее Благо четко определяется как «стяжание Духа Святаго» — как главная цель жизни каждого из нас. Она выступает в качестве высшего блага и для тех, кто нас окружает: «Стяжи Дух Святой — и вокруг тебя спасутся тысячи». В мире о таких людях говорят, что они получили благодать от Бога. Вспомним блаженную Матронушку Московскую, Ксению Петербургскую и других блаженных, к которым до сих пор за помощью, за благодатью приходят тысячи русских и нерусских людей, стоят в общей очереди и, делясь своими бедами и скорбями, становятся ближе друг другу. Потому что появляется дух, который их объединяет. Такая благодать — объединяющая и умиротворяющая — воспринимается русской душой как нечто свое, родное.

С другой стороны, с этим стремлением связана тенденция к нарушению границ русской идентичности, с постоянным самоопределением между «Я» и «не-Я», выбором своего отношения к обстоятельствам жизни и событиям, к себе и своему месту в мире на основе даже не мироощущения и восприятия, как это принято у других народов, а жизнечувствия. Так, мы могли заимствовать чужое — картофель, матрешку, водку и т. д. — и делать его настолько своим, что оно становилось «брендом» России для других стран мира. Тому служит примером история «русской матрешки», которая имеет своим аналогом две японские игрушки, символизирующие японских божков. Каждая из них сама по себе — часть образа нашей будущей матрешки, но ни одна из них по отдельности не воспроизводит ни ее внешний облик, форму, ни тем более — идею. С точки зрения идеи эти игрушки — символ поклонения богам и созерцания. Для нас же матрешка — это символ единства всех членов семьи, их духовного родства, с одной стороны, и величайшего уважения младшего поколения старшему, его «вхождения» в качестве составляющей части в общую историю рода. В ней скрыт, таким образом, не столько дидактический («семья — это семья»), сколько воспитательный аспект. Скажешь ребенку: «Разбери!» — и оказывается, что в «большом Я» спрятано множество «маленьких я». По-

просишь: «Теперь собери, сделай целым!» — и выясняется, что это сделать невозможно, если не выстроишь сначала иерархию «от мала до велика», если не определишь место каждого в ряду. Эта закономерность очень хорошо сочетается с установкой русских на уважение к предкам и послушание родителям, как способ «благожителствования», связанный со способностью жить благочестиво — во славу Бога, в его честь. Она хорошо отражает русскую идею.

«Русская идея не есть идея цветущей культуры и могущественного царства, русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божьего... Для постижения России нужно применить теологальные добродетели веры, надежды, любви» (Н. А. Бердяев) [2]. Поэтому русский народ, определяя свою миссию среди судеб других народов, считал себя народом-«богоносцем». В связи с этим Александр Грибоедов после событий на Балканах говорил о том, что нас всегда будут либо ненавидеть и пытаться уничтожить, либо любить — среднего не дано.

Татаро-монгольское иго, литовская и польская интервенции, русско-турецкая война, Великие отечественные войны 1812 и 1941 года — этих страшных годин было в нашей истории очень много. Как нация, в эти периоды жизни мы учились не просто выживать, а находить смысл жизни среди разрушения всех ее основ.

За великими реками // Встанет солнце, и в утренней мгле // С опаленными веками // Припаду я, убитый, к земле. // Крикнув бешеным вороном, // Весь дрожа, замолчит пулемет. // И тогда в моем сердце разорванном // Голос твой запоеет.

Николай Заболоцкий

Как пишет митрополит Антоний Храповицкий, в такие, казалось бы, страшные для нас минуты, мы понимаем, что это — момент встречи с Настоящим, с Истиной, которая вечна. Для русских такими истинами являются идеалы и ценности православия. Умение взять на себя свой крест, о котором говорится в православии, это умение «кресити» (церковнослав.

яз.) — «оживать» и «воспламеняться». Поэтому для нас слова псалма Давида: «Да воскреснет Бог — и расточатся враги Его!» — имеют прямое отношение к нашему воскресению и к освобождению от порабощения страстями, как нашей плоти, так и разной «нечистью» — нашей «земли-матушки». И это неслучайно: слово «русский» в устойчивом словосочетании «русская земля» вошло в употребление в XI-м веке, то есть в христианскую эпоху. Многие исследователи связывают это с именем Иллариона — митрополита Киевского. Однако долгое время оно было синонимом для слова «православный». Не случайно, до XVII при переписях в Российской империи, указывая национальную принадлежность, вместо «русский» писали «православный». Это объясняло родство, единство русской души и национальной идеи [6].

Носители этого жизненного чувства могли уезжать за границы России, быть выброшенными туда ее историей и своей судьбой, но оставаться — русскими. И наоборот, те, кто родился на этой земле, но считал себя здесь ненужным и чужим, даже в мирное время (не говоря уже о минутах опасности или периодах социально-экономической и политической нестабильности) эмигрировали из страны и сразу же переставали быть русскими. Так восстанавливался первоначальный замысел Творца о «прилагательности» русских. Большую роль в этом всегда играла жизнь по велению сердца как основа русского жизненного чувства.

Таким образом, можно обобщить представление о феномене русского жизненного чувства как феномене ощущения взаимосвязи между своей судьбой и судьбой своей Родины, проявляющегося в чувстве принадлежности к ее социогеографическому пространству и в восприятии места своего бытия в ее истории одновременно как индивидуализированного, личностно-значимого и как общего с другими людьми. В этом результаты нашего исследования созвучны мыслям В. И. Вернадского о том, что «сила личности и влияние ее, понимание ею жизни» и «возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать свое мнение» определяют специфику их общего жизненного контекста — развития или кризиса, в нашем понимании, жизненного чувства и мировосприятия. Важнейшую роль в преодолении

данного кризиса, как писал ученый, выступает единство религиозного и научного творчества людей. «История говорит нам, что человеческая мысль в области научного знания может постигнуть новое, а не топтаться на новом месте, только если рядом с научным творчеством идет широкое творчество религиозное» [4]. Мы тоже на это надеемся.

Список литературных источников

1. Аксючиц, Виктор. Русская идея //Цитируется по источнику: <http://www.polemics.ru/articles/?articleID=3868&hideText=0&itemPage=1>. Дата обращения: 15.03.2013.
2. Бердяев, Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века //Цитируется по источнику: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm>. Дата обращения: 15.03.2013.
3. Вернадский В. И. Автотрофность человечества //Цитируется по источнику: <http://www.marsiada.ru/359/407/433/4977/> Дата обращения: 15.03.2013.
4. Вернадский В. И. Из доклада на съезде Таврической научной ассоциации //Цитируется по источнику: <http://www.marsiada.ru/359/407/433/638/>. Дата обращения: 15.03.2013.
5. Вернадский В. И. Самосознание общества //Цитируется по источнику: <http://www.marsiada.ru/359/407/433/637/>. Дата обращения: 15.03.2013.
6. Михеев, Игорь. Пути русские. Книга I. В поисках русской идеи //Цитируется по источнику <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2383>. Дата обращения: 15.03.2013.

7. Микляева, Н. В., Новицкая, М. Ю. Управление образовательным процессом в ДОУ с этнокультурным (русским) компонентом образования. Методическое пособие. М.: Айрис-пресс, 2006. – 240 с.
8. Подхвалитин, Николай. Русский дух: мнение психолога //Цитируется по источнику:
<http://infosep.ru/articles/psychology/index.php?article=2173>. Дата обращения: 15.03.2013.
9. Ривкус, Юрий. Тайности древней кириллицы //Цитируется по источнику: <http://www.proza.ru/2011/01/07/1087>. Дата обращения: 15.03.2013.
10. Яншина Ф. Т. Развитие философских представлений В. И. Вернадского. М.: Наука, 1999. Архив РАН. Ф. 518, оп. 7, №48.